

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

Б.Р. Рахманов*Российско-Таджикский (славянский) университет**Душанбе, Республика Таджикистан*

rbrregar@mail.ru

**К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ
ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИМИ ОРИЕНТАЛИСТАМИ (И.В. ГЁТЕ)**

**[*Rakhmanov B. To the question of estimation of Persian-Tajik literature
by Western European Orientalists (Goethe J.W.)*]**

It is analyzed "The articles and Notes for the better might understand "The West-Eastern divan", by Goethe J.W., in which the German Orientalist shared the information about the peculiarities of Persian literature: the merits of Persian literature, its specific features, especially the Persian language and expressions of poetic speech with European readers. There is an emphasize of Goethe's deep knowledge of Persian literature, namely, about the heroic story of the "Shahnama" Firdausi, a panegyric poetry Anvari, a poetry of feeling and love suffering Nizami, the mysterious and enlightening lyrics of Rumi, for guidance and teachings "Gulistan" and "Bustan" Saadi, about the earthly and heavenly in Hafiz literary heritage of an inclusive Jami. In his comments "The West-Eastern divan" Goethe J.W. has presented to the European reader thematic diversity of the works of Persian-Tajik classics. Finally, conclusions are drawn about the invaluable contribution of "The West-Eastern divan" by Goethe J.W. in the development of Russian romanticism, and more specifically Persian-Tajik literature.

Key words: Persian-Tajik literature, aesthetics of European romanticism, "West-Eastern divan" Goethe J.W., Western European Orientalism, Russian-Eastern literary connections.

Интерес к Востоку на Западе имеет давнюю традицию и связан с экономическими и политическими целями. Результатом этих контактов становятся культурные и литературные связи. В XVII–XVIII века европейская наука пополнилась трудами по истории и культуре восточных народов. В своих путевых записях и дневниках ориенталисты, говоря о Востоке, не обошли вниманием Персию и персидскую словесность. В связи с этим, отметим яркий пример европейского ориентализма – «Западно-восточный диван» И.В. Гёте и комментарии к нему.

«Западно-Восточный диван» И.В. Гёте – гениальная страница книги жизни писателя, давшая возможность европейскому читателю познакомиться с историей и культурой Востока, лучшими представителями персидско-таджикской поэзии. Гёте задумал свой «диван» в 1814 г. после чтения издания Хафиза в переводе Й. Хаммера, знакомства в 1815 г. с научными трудами Й. Хаммера «Сокровищницы Востока» и Ф. Дица «Достопримечательностям Азии». Полнили его багаж знаний о персидской литературе и труды Марко Поло (1254–1323) «Путешествие на Восток» (в 1272–1295), Иоанна из Монтевиллы (сэр Джон Мандевилл) «Книга путешествий в Святую землю», Адама Олеария (1599–1671) «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» (1647), Таверна Жана Батиста (1605–1689) «Шесть путешествий в Турцию, Персию, Индию» (1679), Шардена Жана (1643–1713) «Дневник путешествия» (1686) и др.

Очарованный персидской словесностью, И.В. Гёте создал «Западно-Восточный диван», точнее «Немецко-персидский диван». В своей работе «О переводах «Западно-восточного дивана» Гёте» М. Мирзоюнус пишет: «Именно он интуитивно почувствовал в персидском языке биение и тягу арийского пульса; это он признал в Хафизе своего духовного брата; это он, опьяненный духовным вином персидской поэзии, страстно влюбленно пел свои чарующие песни; это он первым среди европейцев собрал оригинальный букет из своего поэтического цветника и преподнес сей королевский подарок наследникам великой персидской цивилизации» [5, с. 175]. Пояснения и толкования к «Западно-Восточному дивану» И.В. Гёте необходимы для лучшего восприятия Востока и его литературы. Если Двенадцать книг «Западно-Восточного дивана» Гёте составляют 130 страниц, то комментариям «для лучшего уразумения» писатель посвятил более 210 страниц. Говоря об особенностях восточной литературы, Гёте подразумевает персидско-таджикскую литературу и больше внимания уделяет именно ей. Гёте говорит о персах – народе благонравном, потому что «их поэтические создания и послужили, собственно, поводом к созданию этой работы» [3, с. 151]. Как видим, И.В. Гёте уточнил: «диван» возник под влиянием персидско-таджикской литературы. Рассматривая истоки персидской литературы, И.В. Гёте задумывается: какие бы падения не испытывала персидская культура, она сохраняла свое ядро народности, восставала из пепла: «...издревле ведомый феномен народа вновь выступает на сцену» [3, с. 151].

X столетие характеризуется на Востоке внезапными переменами: новые царства и земли, богатства и новые знания, падения и взлеты. Это требовало философского осмысления, поскольку общественные и социальные изменения подтолкнули поэтов к размышлению о бренности жизни. Необходимо было оставить поколениям описание событий, происшедших в Персии. Во все времена истории среднего Востока (т.е. Персии) существовали подобные письменные памятники (хроника империи Сасанидов при Йездедширде (Йездегерд (632–651); книга о царях («Хватай – Намак»), которая не сохранилась; история империи Саманидов при Мансуре I – «Бустан-наме»).

Воплотил этот гениальный труд Фирдоуси (690–1020), который составил памятник, восстановивший историю племен и народов. По легенде, ему было поручено создание большого творения, работа над которым потребовала от писателя тридцатилетнего напряженного труда. И.В. Гёте был хорошо информирован о жизни поэта, особенно об обмане при вознаграждении поэта и его смерти в нищете. Гёте так комментирует «Шах-наме»: творение Фирдоуси «мифо-исторический фундамент народности», который хранит память о жизни племени и подвигах героев от событий минувшей старины до современной истории. Достоинством произведения является язык – арабские заимствования игнорировались, использовалась родная речь. «Фирдоуси оттого, кажется, призван был создать подобное творение, что страстно держался старины, подлинной народности и, что до языка, чистоты и дельности, стремился достичь былых ступеней их, вследствие чего изгонял из поэмы арабские речения и усердно пользовался древним пехлевийским наречием» [3, с. 179]. Так И.В. Гёте прокомментировал противостояние персидской литературы влиянию арабской культуры.

Другая характерная черта персидской поэзии – восхваление подвигов и деяний доблестных военачальников и мудрых правителей. *Энвери* (Анвар) – панегирик, познает суть вещей, живет настоящим и ублажает похвалами вышестоящих: «...всех украшает он своими славословиями, для всякого находит нечто изящное в том обширном множестве вещей, какие хранит в себе мироздание» [3, с. 180]. *Низами* (Низами Ильяс ибн Юсуф Гянджави 1140–1209) – поэт высоких чувств, прекрасных отношений, любовных страданий Меджнуна и Лейли, Хосрава и Ширин: «Предчувствия, судьба, натура, привычка, склонность, страсть – все назначает их друг для друга, взаимное

расположение благоприятствует их союзу, но тут капризы, упрямство, принуждение, случайность, запрет их разделяют, вскоре, столь же неожиданно, они соединяются вновь, а в конце их все равно отрывают друг от друга, и они расстаются навек» [3, с. 182]. *Поэмы* Низами исполнены ясности, изящности и красот, посвящены моральным ценностям.

Джелалэддин Руми (1207–1273) как настоящий поэт предпочитает воспевать, и достойной целью является прославление Творца: «Такая потребность к восточному человеку понятнее всего, потому что неотступно стремится он к сверхсущему и полагает, что с наибольшей точностью созерцает таковое, лицезрея божество, от чего и при исполнении его намерений никто не вправе упрекнуть его в преувеличенности» [3, с. 183]. *Руми* обратил свой взор к туманным сферам: он использует сказку, притчу, для пояснения таинственного, его цель наставлять и поучать, просвещать в глубинах божественного бытия.

Продемонстрировал Гёте и познания из жизни *Саади* (1213(–1219) – 1292). Поэт пятнадцать раз совершил паломничество, странствовал в Индии, Азии, в западных странах. Странническая жизнь позволяет узнать людей и страны. Эти знания поэт излагает в своих произведениях, цель которых наставление слушателей: «Он живет в широчайшем мире опыта, он – неисчерпаемый источник анекдотов, которые разукрашивает стихами и речениями» [3, с. 185]. Это оценка «Гулистана» и «Бустана» Саади, насыщенных наставлениями и житейской мудростью.

Хафиза Шерази (1317(–1326) – 1389(–1390) И.В. Гёте называет дервишем (аскетом), суфием (мистиком), шейхом (духовное лицо-старейшина). Поэт совмещал богословские труды по грамматике с поэзией. Своему поэтическому творчеству поэт не придавал значения, они собраны после смерти Хафиза его учениками. Его поэтические произведения создавались ради развлечения и удовольствия, они доставляют наслаждение, в строках бьется живительный источник жизни: «Довольствуясь малым, радостный, раздумчивый в тесных в тесных пределах своего существования, не упуская своей доли мирского изобилия, иной раз заглядывая, издали, в тайны божества, иной раз отвергая даже религиозные обряды и чувственные удовольствия...» [3, с. 188]. Указал на две стороны поэтического наследия *Хафиза* – божественное и небесное, связанное с суфизмом, с одной стороны; с другой – мирские наслаждения: друзья, любимая и вино. Гете заметил и характерную черту хафизовских строк – скептицизм.

Джами (1414–1429) завершил своим творчеством рассвет персидско-таджикской литературы: «Джами собирает урожай веков и выводит итог всей религиозной, философской, научной, прозаико-поэтической культуры» [3, с. 188]. Ему свойственна ясность и рассудительность, он сверх чувственен и успешен, он объял два мира – поэтический и действительный.

Указанные И. Гёте поэты – Фирдоуси, Анвари, Низами, Руми, Саади, Хафиз, Джами – признаются лучшими из лучших и выступают друг за другом в течении 500 лет. Каждый из этих поэтов обладал талантом, был востребован в свою эпоху: «... при этом они всякий раз оказывались в особенную пору в особенном положении, когда могли первыми собирать огромный урожай, даже отнимая этим у талантливых последователей своих какое-либо самостоятельное воздействие на свое время, – требовалось всякий раз, чтобы наступила новая эпоха и чтобы природа рассыпала перед поэтом новые сокровища» [3, с. 190].

Рассуждения о представителях персидско-таджикской литературы И.В. Гёте заключает выводом, что каждому поэту характерна своя черта, каждый сказал новое слово, открыл стороны человеческой жизни.

- Фирдоуси захватил в свои руки все события прошлого: баснословные и исторические; остается только ссылаться на него.
- Энвери, в противовес Фирдоуси, живет совершенностью. Блестящая природа и щедрый двор шаха соединил он в один мир ласковыми словами.
- Низами радовал сердца читателей влаголюбивой мощью любовных повестей полулегендарных чудес.
- Руми не испытывал тягу к реальности, стремился к духовному смыслу, в конечном итоге, приходит к учению, что бытие – это Бог.
- Саади в эмпирическом познании бытия, он сконцентрирован и убежден в необходимости наставлять и поучать.
- Хафиз довольствовался отказом от земных удовольствий и «притом всегда представлялся шутом и весельчаком» [3, с. 191].
- Джами – венец достижений персидской поэзии, который все объединял, всем подражал, при этом обновляя сказанное до него и «...с неповторимой ясностью ума соединял он в себе пороки и добродетели своих предшественников» [3, с. 192].

Так И.В. Гёте оценил пять столетий персидско-таджикской поэзии и риторики, признаваясь, что характеристики и оценки его приблизительны и выражают общие черты.

Задумываясь о достоинствах персидской литературы, ее специфических и главных чертах, И.В. Гёте размышляет об особенностях персидского языка и выражениях поэтической речи. «Плодовитость и многообразие персидских поэтов берет начало в необозримой шире внешнего мира, в его бесконечном изобилии» [3, с. 193]. Жизнь в движении, возвышенная и низменная, меняющаяся картина восточного мира требует сравнений, резких для вкуса европейцев. От восточного калейдоскопа цвета и чувств европеец испытывает смятение, восточный поэт поднимает читательские чувства до небес и сбрасывает на грешную землю. Главной характерной чертой восточной поэзии Гёте считает преобладание верховного начала духа. В этом духе объединены все свойства слова: опыт и знания, импровизация и ирония, остроумие. Этим духом – мастерством выражения – пользуются и поэты, и народ. «Умное, полное духа слово вызывает гнев государя, другое умное слово его украшает» [3, с. 197]. Этот восточный культ слова связан с выражением страсти, склонностью к рифме и сравнению, что для европейца неприемлемо, поэтому персидская поэзия западному читателю будет непостижима. Неприемлемый европейцами восточный деспотизм порождал в душах благородных идею идеального могущества, восхищения заслуживают их государи, признавшие человеческое достоинство. Отсюда, считает И.В. Гёте, поэты от возвеличивания достоинств, от дидактизма переходили к идее вечного совершенства, божественному вдохновению.

Оценку комментариам И.В. Гёте к «Западно-Восточному дивану» дал И.Л. Козегартен в «Рецензии «Западно-восточного дивана» Гёте» (1819). Западный читатель, обращаясь к восточному искусству, испытывает затруднения в познании достижений чужой культуры: неизвестных ему мыслей, значений и своеобразного смысла, образов. И, чтобы он не остался в неведении, неудовлетворенным, ему нужен проводник. «Такую благородную должность принимает на себя автор «Западно-восточного дивана» – на пользу немецкому читателю, который несомненно сумеет оценить тот факт, что поэзию на сей раз представляет ему поэт, а не просто филолог» [4, с. 493]. Поэту открыта картина прекрасного, он способен постичь и выразить дух восточной поэзии, ее истоки, ее цвета. Рецензент отмечает, что И.В. Гёте в творче-

стве Фирдоуси, Энвери, Низами, Руми, Саади, Хафиза и Джами выделяет черты, характерные персидской поэзии: высокую духовность, особенность языка – тропы, сравнения, поэтические виды поэзии.

Подводя итог, отметим, что И.В. Гёте, пребывая в мире восточной поэзии, с радостью делился с читателями своими впечатлениями. Гёте открыл европейцу родину поэтического искусства: мир поэтического языка и безграничного воображения. Восточные народы наделены острым умом и сочетают чистую наивность с рассудительностью и обширным кругозором. Восточные поэты наделены «гениальным духом», а восточная поэзия – могуществом слова, чародейством и волшебством.

«Западно-Восточный диван» И.В. Гёте и комментарии к нему являются шагом в познании и изучении восточного мира, его культуры и литературы. Немецкий поэт в своем произведении объединил достижения двух миров и показал духовную общность культур. «Западно-восточный диван» Гёте стал явлением западно-восточного литературного синтеза, поскольку писатель соединил достижения двух культур – восточной и западной, используя при написании восточные и западные поэтические элементы и отображая мировоззренческие установки восточной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бертельс Е.Э.* История персидско-таджикской литературы. Избранные труды. М., 1960.
2. *Гёте И.В.* Западно-восточный диван. М., 1988.
3. *Гёте И.В.* Статьи и примечания к лучшему уразумению «Западно-восточного дивана» // *Гёте И.В.* Западно-восточный диван. М., 1988.
4. *Козегартен И.Л.* Рецензия «Западно-восточного дивана» Гёте // *Гёте И.В.* Западно-восточный диван. М., 1998.
5. *Мирзоюнус М.* О переводах «Западно-восточного дивана» Гёте на таджикский и русский языки // Идеи духовности и нравственности в литературе. Международная научно-практическая конференция: сборник докладов. Душанбе, 2015.
6. *Рипке Я.* История персидской и таджикской литературы. М., 1970.

REFERENCES

1. *Bertels E.A.* The History of Persian-Tajik literature. Selected works. M., 1960.
2. *Gete J.W.* The West-Eastern divan. M., 1988.
3. *Goethe J.W.* The articles and notes for the better might understand "The West-Eastern divan" Goethe J.W. The West-Eastern divan. M., 1988.
4. *Kozegarten I.L.* Review of "The West-Eastern divan" Goethe // *Goethe J.W.* West-Eastern divan. M., 1998.
5. *Mirzoyunus M.* About translation "The West-Eastern divan" Goethe in Tajik and Russian // The ideas of spirituality and morality in the literature. International scientific-practical conference: a collection of reports. Dushanbe, 2015.
6. *Ripken J.* The history of Persian and Tajik literature. M., 1970.

29 января 2017 г.
